

К ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

Цель: характеристика юридической науки в Золотой Орде (Улусе Джучи). Рассматриваются основные этапы развития золотоордынской юриспруденции, выявляются основные ее научные центры на территории этого государства.

Материалы исследования: исследование базируется на классических и новейших трудах по истории Золотой Орды и отдельных ее аспектах (включая те, которые лишь в последнее время стали активно изучаться специалистами – в частности, религия, культура и наука Улуса Джучи), а также источниках, в т.ч. и сравнительно недавно введенных в научный оборот – сочинениях средневековых восточных авторов, ранее неизвестных широкому кругу исследователей, либо не использовавшихся как источник по истории Золотой Орды.

Научная новизна: на примере конкретных представителей юридической науки (законододов и преподавателей права) дается характеристика направлений, по которым она развивалась, анализируются научные контакты золотоордынских правоведов с учеными других стран, процессы «академической мобильности». Также уделяется внимание поддержке развития юридической науки в Золотой Орде ее правителями, причинам, по которым она достигла расцвета в первой половине XIV в. и пришла в упадок к началу XV в.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что хотя юриспруденция в Золотой Орде, несомненно, была частью юридической науки мусульманского Востока в целом, однако, вместе с тем, имела и определенную «золотоордынскую» специфику, которая обусловила основные этапы развития юриспруденции в Улусе Джучи, ее направления, повлияла на судьбу отдельных ученых. Это позволяет говорить о самостоятельности юриспруденции в Золотой Орде и о перспективности дальнейших исследований в этом направлении – изучении золотоордынских письменных памятников, имеющих юридическое значение, биографий отдельных ученых и т.д.

Ключевые слова: Золотая Орда, юриспруденция, традиционное монгольское право, мусульманское право, мазхабы, международное научное сотрудничество

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 737–752. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752

ON THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE'S JURISPRUDENCE**R.Yu. Pochekaev**

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article contains a characteristic of the jurisprudence in the Golden Horde (Ulus of Jochi). The author considers basic stages of development of the Golden Horde's jurisprudence and uncovers its scholarly centers located within its territory.

Research materials: This research was carried out on the basis of the classical and most recent works on the history of the Golden Horde and its specific aspects (including those that began to be studied by specialist only recently). It was also based on the sources including those which were introduced into scholarly circulation relatively recently; for example, works of medieval eastern authors that were not previously known to a wide range of researchers or were not typically employed as sources on the history of the Golden Horde.

Novelty of the research: Following the example of specific scholars (specialists and lecturers in law), the author characterizes basic directions of the development of the Golden Horde's jurisprudence, while analyzing academic contacts of the Golden Horde's scholars and the process of "academic mobility". Also, the author pays attention to the Golden Horde rulers' support of jurisprudence and the reasons behind its flourishing in the first half of the fourteenth century and its decline by the beginning of the fifteenth century.

Research results: The author has found that the Golden Horde's jurisprudence was undoubtedly part of jurisprudence of Islamic Eurasia in general, but at the same time had specific "Golden Horde" features. These determined the basic stages and directions of its development and even had an influence on the life and activity of specific scholars. It provides justification to speak of the original character of the Golden Horde's jurisprudence and perspectives in regard to its further research: the study of the Golden Horde's written monuments (legal and non-legal), biographies of specific scholars, etc.

Keywords: Golden Horde, jurisprudence, traditional Mongol law, Muslim law, madhabs, international scholarly cooperation

For citation: Pochekaev R.Yu. On the History of the Golden Horde's Jurisprudence. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 737–752. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752

Значительные достижения в изучении Золотой Орды (Улуса Джучи) в начале XXI в. позволили обратиться к таким ее аспектам, которые до этого совершенно не затрагивались – в частности, о науке и культуре этого государства. Достаточно подробно изучены вопросы развития золотоордынской литературы, философии и богословия, есть работы, посвященные изучению в Золотой Орде даже математики и астрологии. Однако, насколько нам известно, до сих пор ни один автор не обращался к истории юридической науки в Улусе Джучи, хотя ряд исследователей (как историки, так и правоведы) занимаются изучением различных правовых аспектов золотоордынской истории [см., напр.: 6; 7; 15; 20; 23].

Вполне вероятно, что причиной отсутствия подобных исследований являлось отсутствие сведений о юридической науке в Золотой Орде и ее пред-

ставителях. Однако на сегодняшний день ситуация несколько изменилась. Можно без преувеличения утверждать, что в настоящее время в «ордыноведении» происходит настоящий взлет, характеризующийся укреплением междисциплинарного взаимодействия ученых и введением в научный оборот источников, которые либо не привлекали внимание специалистов по истории Золотой Орды, либо же были доступны только узкому кругу специалистов (в первую очередь из-за того, что написаны на восточных языках, которыми владеет отнюдь не большинство авторов, занимающихся проблемами золотоордынской истории). В результате сегодня в распоряжении исследователей имеется довольно широкий круг источников восточного происхождения – средневековые арабоязычные и персоязычные хроники, энциклопедии и словари, содержащие ценные сведения о золотоордынском правоведении и правоведах, а также работы отдельных специалистов, занимающихся проблемами истории мусульманского права, затрагивающие и некоторые вопросы, относящиеся к золотоордынскому периоду¹. Использование этих источников и исследований позволило автору настоящей статьи предпринять попытку дать общую характеристику правовой науки в Золотой Орде, ее основных этапов и направлений, проиллюстрировав их на примере деятельности конкретных правоведов.

Как известно, правовая система Золотой Орды была сложной и многоуровневой. При этом далеко не все элементы этой системы стали предметом исследований правоведами этого государства. В частности, нам неизвестно о том, что в Улусе Джучи (равно как и во всей Монгольской империи) были специалисты, изучавшие имперское монгольское право – правовые установления Чингизхана (Великую Ясу) и его изречения (билики), равно как и изречения его потомков, судебную практику – решения имперских судей-дзаргучи. Обратившись к вопросу о распространении знаний и представлений о монгольском имперском праве, мы приходим к довольно неожиданному выводу: их наличие являлось признаком не профессиональной, а социальной, а в ряде случаев – даже и семейной принадлежности.

Так, ознакомление с Ясой (правовыми принципами и нормами) Чингизхана происходило на курултаях – съездах монгольской знати, а со временем и знати вассальных государств. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что в 1235 г. хан Угедэй, сын и преемник Чингизхана, созвал курултай, поскольку «захотел собрать еще раз всех сыновей, родственников и эмиров и заставить их вновь выслушать ясу и постановления» [28, с. 35]. Внимание исследователей неоднократно привлекал тот факт, что Яса, которую в историографической традиции принято считать сводом законов Монгольской империи и государств Чингизидов, на самом деле не была доступна широким слоям их населения [см., напр.: 34, р. 169]. В самом деле, согласно сообщению Джувейни – современника и высокопоставленного чиновника на службе у монгольских правителей Ирана (ильханов), списки Ясы хранились «в казне у доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться или посадит на конь войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении – те свитки приносят и по ним кладут основу дел» [4, с. 141]. Можно в значительной степени согласиться с мнением петербург-

¹ В различных зарубежных архивах время от времени обнаруживаются даже юридические трактаты золотоордынских ученых [см. подробнее: 32, с. 144].

ского востоковеда А.К. Алексеева, что Великая Яса регламентировала отношения между самими Чингидами и, соответственно, имела достаточно ограниченное распространение [1, с. 39]. Это в значительной степени объясняет и отсутствие специалистов, которые могли бы изучать и толковать это законодательство, а затем – и передавать свое знание.

Билики, т.е. изречения Чингизхана этического, политического и правового характера, казалось, могли бы стать предметом для изучения – подобно хадисам, т.е. изречениям пророка Мухаммада, которые уже в течение многих столетий не только являются источником права, но и изучаются мусульманскими богословами и правоведами. По нашему мнению, билики являлись своего рода правовой доктриной Монгольской империи и входивших в ее состав улусов, в т.ч. и Золотой Орды [см. подробнее: 25, с. 49–58]. Тем не менее, насколько нам известно, и они были известны представителям знати, занимавшим высокое место в имперской властной структуре. Для них знание биликов было своего рода обязанностью, на что указывает как раз один из биликов Чингизхана: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингизхана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают билика, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот, и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников» [27, с. 260]. Знание биликов однажды даже стало решающим фактором при выборе хана: «между Тимур-кааном и [его братом] Камалой, который был годами старше его, начались споры и пререкания относительно престола и царствования. Кокчин-хатун, которая была крайне умна и способна, сказала им: “Мудрый каан, то есть Кубилай-каан, приказал, чтобы на престол воссел тот, кто лучше знает билики Чингизхана, теперь пусть каждый из вас скажет его билики, чтобы присутствующие вельможи увидели, кто лучше знает”. Так как Тимур-каан весьма красноречив и [хороший] рассказчик, то он красивым голосом хорошо изложил билики, а Камала, из-за того что он немного заикается и не владеет в совершенстве речью, оказался бессилён в словопрении с ним. Все единогласно провозгласили, что Тимур-каан лучше знает и красивее излагает [билики] и что венца и престола заслуживает он» [28, с. 206]. Этот пример, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что знание биликов, как и Ясы Чингизхана, являлось прерогативой правящей элиты.

Наконец, что касается судебной практики, то и она, насколько известно, не являлась предметом специального изучения и не использовалась для подготовки «профессиональных юристов». Судебные решения, безусловно, записывались (начало этой практике положил сам Чингизхан²) и в дальнейшем использовались судьями в качестве прецедентов. Однако сами судьи не принадлежали к числу профессиональных юристов, обладавших специальными знаниями в правовой сфере, а происходили также из числа монгольской знати, для которых знание принципов и норм права, как уже отмечалось,

---

² Согласно монгольской средневековой хронике «Сокровенное сказание», Чингизхан повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанью на части всеязычных подданных “гур-ирген”, а равным образом и судебные решения» [14, § 203, с. 160].

являлось обязательным требованием. Именно эти требования содержались в ярлыках, которыми судьи-дзаргучи назначались на должность: знание Ясы и монгольского (т.е. имперского) права в целом [5, с. 104]. Нам известны имена двух верховных судей Монгольской империи в первой половине XIII в., которые были родовитыми нойонами и, в первую очередь, ханскими военачальниками, а судебские обязанности выполняли *ad hoc*. Первый из них – татарин Шихи-Хутаг, приемный сын матери самого Чингизхана, участник многих его походов³. Второй – полководец Мункесар из племени джалаир, назначенный судьей для разбирательства дела нескольких царевичей-Чингизидов, устроивших заговор против только что пришедшего к власти хана Мунке (1251–1259) [о нем см.: 10, с. 233–239].

Не были профессиональными юристами со специальной подготовкой и судьи, выносившие решение на основе норм и принципов обычного права – так называемые бии. Традиционно они выбирались из лиц, обладавших высокой репутацией и знанием правовых обычаев, независимо от их социальной принадлежности [см. подробнее: 24, с. 122–124, 266–275]. Однако, поскольку правовые знания, как мы уже отметили, не имели широкого распространения среди населения, бии, как правило, являлись родственниками (чаще всего прямыми потомками – сыновьями и внуками) предыдущих народных судей, которые и передавали им знания об обычном праве.

Таким образом, говоря о юридической науке в Золотой Орде, следует понимать под ней именно мусульманское правоведение (фикх). На это могут возразить, что, в таком случае, речь идет лишь об отдельном хронологическом периоде в истории науки мусульманского права в целом, и нет оснований считать его именно «золотоордынским правоведением». Однако ниже мы постараемся показать именно специфику развития науки мусульманского права в Золотой Орде и влияние, какое оказал на это развитие факт принадлежности юридической науки и ее представителей именно к этому государству.

Прежде всего, проследим основные этапы развития мусульманского правоведения в Золотой Орде. Наверное, стоит начать с того, что оно возникло далеко не вместе с образованием этого государства. Развитию золотоордынского мусульманского правоведения и достижению им высокого уровня, признаваемого и на международной научной арене, во многом способствовал тот факт, что еще до появления Золотой Орды в ряде регионов, вошедших впоследствии в ее состав, имелись развитые мусульманские школы. Так, хорезмийское правоведение пользовалось известностью и авторитетом среди мусульманских правоведов уже с IX–X вв. [18, с. 204–205]. Также существовала собственная правовая школа в Волжской Булгарии: ее ученые были известны уже в XII в. [33, с. 75; см. также: 19, с. 290, 337, 412–413; ср.: 11, с. 98–99].

Монгольское нашествие 1210–1230-х гг. сначала на Центральную Азию, а затем и в Поволжье, конечно же, повлияло на состояние науки, в т.ч. и юриспруденции. Многие ученые погибли либо в сражениях с монголами, либо при взятии и разграблении городов, многие отправились в изгнание,

³ Сравнительно недавно в Монголии появилось специальное исследование, посвященное этому деятелю [16].

найдя убежище в странах мусульманского мира, на тот момент не подвергшихся нашествию – в Багдадском халифате, Египте и др. [18, с. 206].

После создания Золотой Орды в регионах, пострадавших во время нашествия, постепенно был восстановлен порядок, и уже в 1240–1250-е гг. мусульманские правоведы Хорезма, Булгара и других мусульманских регионов вернулись к своей научной, преподавательской и практической деятельности – уже в качестве подданных ханов-Чингизидов. С этого времени берет начало собственно золотоордынское правоведение.

Расцвет золотоордынской правовой науки относится к первой половине XIV в. и непосредственно связан с политическими событиями этого периода. К 1320 г. хан Узбек (1313–1341) объявляет ислам официальной государственной религией Золотой Орды, и мусульманское право, до этого времени являвшееся одним из «региональных» источников права в Улусе Джучи, фактически ставится на один уровень с монгольским имперским правом, а мусульманские судьи-кади заседают в судах вместе с судьями-дзаргучи, и тяжущиеся сами были вправе определять, к кому из судей обращаться [31, с. 311–312]. Неудивительно, что эти изменения вызвали всплеск в развитии и теоретической мусульманской правовой науки, появление многочисленных трудов, увеличение числа публичных диспутов и пр.

В 1330–1340-е гг. в Государстве ильханов в Иране наступают смутные времена, и вскоре государство распадается на ряд враждующих между собой владений. В обстановке безвременья многие мусульманские правоведы из Ирана эмигрируют в Золотую Орду, где их с удовольствием принимают хан Узбек и его сын Джанибек (1342–1357), оказывая им всяческое покровительство [17, с. 124].

В 1360–1370-е гг. и в самой Золотой Орде началась многолетняя гражданская война, в результате которой многие научные связи между регионами были утрачены. В частности, это привело к тому, что в Хорезме в этот период возникла школа «новых ханафитов», представители которой – Джалал ад-Дин ибн Шамс ад-Дин ал-Гурлани, Мухаммад ибн Шихаб ал-Кардари, Тахир ибн Ислам ал-Харизми Сугднамадпуш, Мухаммад ибн Мухаммад ал-Кардари, более известный как «Ибн ал-Баззази» и др. – в большей степени ориентировались на среднеазиатскую правоведческую традицию, сближаясь не с другими учеными Улуса Джучи, а со своими коллегами из среднеазиатского монгольского Улуса Чагатай [18, с. 229].

Однако после окончания смуты к 1380 г. и восстановления единства Золотой Орды под властью хана Токтамыша (1380–1395) туда вновь стали прибывать правоведы из других мусульманских стран, в т.ч. и из Средней Азии, где как раз в это время начинается возвышение Амира Тимура (Тамерлана), которое не приветствовали многие ортодоксальные богословы и правоведы. Например, вышеупомянутый Ибн ал-Баззази (ум. 1423), был среди тех мусульманских законоведов-улемов, которые объявили Тамерлана «неверным», так что, конечно, после этого он не мог оставаться в Хорезме и после захвата его Тамерланом перебрался в Сарай [33, с. 81].

Последний период расцвета мусульманской правовой науки в Золотой Орде относится к рубежу XIV–XV вв., когда государство еще сохраняло единство при фактическом правлении могущественного временщика эмира

Едигея (1397–1412). Затем Улус Джучи вновь охватили междоусобицы, и вскоре он окончательно распался на ряд самостоятельных государств. Соответственно, у правоведов просто-напросто исчезла возможность заниматься своей деятельностью в условиях постоянных смут и междоусобиц.

Впрочем, некоторые из пост-ордынских государств до некоторой степени стали преемниками Золотой Орды не только в политическом и правовом отношении, но и сохранили некоторые традиции юридической науки. Наибольшее развитие правоведение получило в Крымском ханстве, где и в XVIII в. переписывались и комментировались юридические трактаты, созданные золотоордынскими учеными [9, с. 34, 45, 55]. Сохранялись научные традиции и в Казанском ханстве, правда, в нем ученые больше склонялись к богословию, чем к правоведению [2, с. 94–95]. Имеются косвенные сведения о том, что мусульманская правовая наука существовала и в Касимовском ханстве – маленьком государстве, которое в течение всего времени своего существования (1445–1681) являлось вассалом Московского государства [26, с. 76].

Нельзя не отметить многообразие школ и направлений мусульманской юридической науки в Улусе Джучи. Учитывая самые разнообразные правовые традиции, «региональные» варианты ислама и пр., не приходится удивляться, что в Золотой Орде действовали представители нескольких мазхабов – крупных школ мусульманского права. Наиболее распространенным на территории Улуса Джучи (еще до его образования) был ханафитский мазхаб, весьма популярный среди тюркских народов: его основатель Абу Ханифа ибн Сабит (699–767) сам был тюрком и потому считал возможным адаптировать установленные юридические правила к местным обстоятельствам, т.е. учитывать правовые традиции тех или иных народов и регионов [13, с. 17–21]. Этот мазхаб был широко распространен в большинстве регионов Золотой Орды – Поволжье, Северном Причерноморье, в Хорезме, на территории современного Западного Казахстана. Тем не менее, на территории Улуса Джучи работали и представители других мазхабов: представители шафийтского мазхаба были в самом Сарае – столице Золотой Орды, периодически из Египта приезжали правоведы маликитского мазхаба, а на территории Азербайджана (в течение долгого времени являвшегося спорной территорией между Золотой Ордой и государством ильханов в Иране) был распространен джаффаритский (шиитский) мазхаб [3, с. 14; 29, с. 88, 91; см. также: 17, с. 124; 33, с. 82–83, 92].

Внутри крупных школ-мазхабов выделялись и «меньшие» школы и направления, как правило, основанные и руководимые наиболее авторитетными правоведом, которые оставляли многочисленных последователей. Представители таких школ и направлений нередко были потомками их основателей, так что, можно сказать, что юридические знания и профессия правоведа в целом являлись наследственными.

Так, едва ли не первыми учеными-правоведами в Золотой Орде были представители т.н. «старой хорезмийской школы» – Мухаммад ибн Махмуд ат-Тарджумани (ум. 1247), занимавший должность кади, и его сын Ахмад ибн Мухаммад ат-Тарджумани (ум. 1262). В конце XIV в. из Самарканда в Сарай прибыли Абд ал-Аффал ибн Али ал-Фаргани и его родственник Исам (Хисам) ибн Абд ал-Малик ал-Маргинани – потомки знаменитого правоведа Бурхан ад-Дина Маргинани (ум. 1197), автора «Хидаи», которая до сих пор

признается одним из выдающихся произведений мусульманской науки права. Естественно, они считались продолжателями его учения [18, с. 229–230]. Вышеупомянутый Ибн ал-Баззази обучался правоведению у своего отца Мухаммада ибн Шихаба ибн Юсуфа ал-Хорезми ал-Кардари, который, кстати и был больше известен не как ученый, а именно как отец и наставник собственного сына [12, с. 166–168; см. также: 18, с. 207, 230]!

Впрочем, принадлежность к той или иной династии ученых, хотя во многом и облегчала их представителям преуспевание на поприще юридической науки, отнюдь не означала, что эти школы были сугубо «семейными», закрытыми для других лиц и конкурирующими между собой. Напротив, представители разных школ нередко сотрудничали, и сын какого-либо известного ученого мог считаться учеником (или единомышленником) не только своего отца, но и другого выдающегося правоведа. К представителям «старой хорезмийской школы» относилось не только семейство ат-Тарджумани, но и другие ученые, в частности – знаменитый правовед Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд ал-Кузбани аз-Захиди (ум. 1260) [18, с. 229]. Хисам ибн Абд ал-Малик Маргинани разделял взгляды Ибн ал-Баззаза, хотя они и получали образование в рамках разных школ [33, с. 82].

Основная научная деятельность золотоордынских правоведов состояла в написании научных трудов, которые большей частью представляли собой комментарии на более ранние юридические сочинения, либо же переписывание более ранних трудов с изложением ряда положений предыдущих авторов в собственной интерпретации⁴. Заслугой золотоордынских авторов стало то, что именно благодаря им сохранились до более позднего времени работы мусульманских правоведов XII–XIII вв.

Так, Ахмад ибн Ахмад ибн Ата, более известный под прозвищем «Джамал ал-Бухари», в 1261 г. переписал труд «ал-Икна ли-ма хуийа тахт ал-кина» Насира ибн Абд ас-Сайида ал-Мутарризи (ум. 1219). В 1304 г. Мухаммад ибн Айюб ибн Юсуф ибн Хасан ибн Наср ал-Джанди переписал «Умдат ал-фатава» ас-Садр аш-Шахида (ум. 1141) и «Мухтар ал фатава» Абу Хафс ан-Насафи (ум. 1142). Мухаммад ал-Бухари в 1308–1309 гг. переписал ряд сочинений Мухаммада ибн Абу-л-Касима ал Баккали ал-Хорезми (ум. 1181) [18, с. 228, 229, 233]. Выходец из Ирана Мухаммад ибн Мухаммад ибн Иса аш-Ширвани переписал в 1339 г. в Сарае книгу Низам ад-Дина б. Бурхан ад-Дина Маргинани «Джавахир ал-фикх», а его соотечественник Мухаммад ибн Мухаммад ал-Харави – в 1357–1358 гг. труд «ал-Фикх ан-нафи» Насир ад-Дина Абу-л-Касима Йусуфа ибн Мухаммада ал-Мадани ас-Самарканди [17, с. 124].

Также в золотоордынский период появилось немало комментариев фикха. Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди в середине XIII в. составил комментарии «Шарх ал-Кудури» и «ал-Кунья» [12, с. 122, 147]. Хусам ад-Дин ас-Сыгнаки (ум. 1314) в 1300 г. составил комментарий «ан-Нихайа» на вышеупомянутый труд Бурхан ад-Дина Маргинани «Хидоя» и на труд «ал-Тамхид» ал-Махкули, причем в последний включил не только свои

⁴ Собственно, как отмечают современные исследования, наука фикха и состоит в толковании принципов и норм права, хотя нередко ученые добавляли в свои комментарии и результаты собственных изысканий или практической деятельности, учитывая реалии своего времени [30, с. 92].

комментарии, но и комментарии своих наставников и других выдающихся правоведов своего времени [12, с. 118–119, 148, 185–186; 17, с. 122]. Сад ад-Дин ат-Тафтазани (ум. 1390) сделал «супракомментарий» на комментарий ал-Иджи к компендиуму Ибн ал-Хаджиба «Мухтасар ал-Мунтаха» («Сокращение Предела») [9, с. 33]⁵.

Стоит отметить, что далеко не всегда переписчики и компиляторы более ранних трудов создавали качественные произведения: среди них было немало таких, кто не понимал до конца смысл переписываемого или комментируемого текста [21, с. 62]. Поэтому наибольшим доверием пользовались труды тех авторов, которые получали «иджазу», т.е. формальное разрешение или одобрение видного ученого (как правило, своего наставника) на переписывание и комментирование конкретного труда. «Иджаза», по сути, означала признание того, кому она давалась, профессиональным правоведом, способным понять и правильно передать переписываемый или комментируемый текст. Так, в 1258 г. Бурхан ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абу Бакр ибн Умар ас-Самарканди (ум. 1332) получил иджазу на передачу труда «Кунйат ал-мунйа» Мухтара ибн Махмуда аз-Захиди ал-Хорезми. Аналогичным образом иджаза была дарована Ибн ал-Баззази своему ученику Шараф ад-Дину ибн Камал ад-Дину ал-Кыrimi на комментарий труда «ал-Акаид» Абу Хафса ан-Насафи [17, с. 123; 18, с. 228, 230–231].

Другой формой деятельности золотоордынских правоведов было преподавание⁶. Золотоордынские ученые-юристы отводили важную роль преподавательскому процессу, о чем свидетельствует тот факт, что авторитетные правоведы выдавали разрешение своим ученикам не только на переписывание или комментирование научных трудов, но и на преподавание. В частности, известно, что такое разрешение Ибн ал-Баззази выдал Сирадж ад-Дину Ахмаду ибн Фадлу Хаджитархани [12, с. 169].

Некоторые правоведы даже были больше известны именно в качестве преподавателей, нежели авторов научных трудов. Так, Алла ад-Дин Абу-л-Харис Арслан ибн Давуд ибн Али ал-Утрари ал-Муадил ал-Факих (ум. 1302 или 1303) преподавал и в Золотой Орде, и в Багдаде, а также работал библиотекарем. Вышеупомянутый Хусам ад-Дин ас-Сыгнаки в начале XIV в. преподавал не только в Улусе Джучи, но также в Дамаске и Багдаде [12, с. 76–77, 136, 149, 157–160]. Весьма впечатляющей оказалась карьера еще одного золотоордынского ученого – Алла ад-Дина Али ибн Абу Язид ас-Сарайи (или Сайраи, 1353–1389). В возрасте 20 лет он покинул Золотую Орду, несколько лет учился праву в Сирии, после чего перебрался в Каир и вскоре стал первым преподавателем хадисов в мечети Захарийя – личной мечети египетского мамлюкского султана Баркука (1382–1399). По отзывам современников, ас-Сарайи отличался талантом и остроумием и пользовался большим авторитетом, являясь знатоком не только права, но и методологии

⁵ Этот труд был в 1453 г. переписан в Каире, что подтверждает высокое качество и востребованность золотоордынских трудов по фикху в мусульманском научном мире.

⁶ Конечно, многие ученые сочетали исследовательскую и преподавательскую деятельность с практической, осуществляя административные или судебные полномочия, издавая фетвы – правовые заключения по ряду вопросов и пр. Однако это направление мы в рамках данного исследования не рассматриваем, поскольку ставим своей целью анализ именно истории науки права в Золотой Орде.

его изучения и преподавания. Однако столь быстрая и успешная карьера молодого чужеземца не понравилась его египетским коллегам, и, по некоторым сведениям, он был отравлен своими недоброжелателями, скончавшись в возрасте 36 лет. В Египте остался его брат Сайф ад-Дин, также занимавшийся преподаванием, а затем его дело продолжил его сын Муххиб ад-Дин (1389–1455), впрочем, уже считавшийся египетским, а не золотоордынским правоведом [8, с. 128–132; 12, с. 129–130, 165, 179–180].

Вышеприведенные примеры показывают, что золотоордынские ученые не ограничивались контактами с соотечественниками из разных регионов – Булгара, Крыма, Хорезма и пр., но и активно взаимодействовали с иностранными правоведами и сами нередко осуществляли научную и преподавательскую деятельность в других странах. По сути, речь идет о явлении, которое сегодня называется «академической мобильностью». Полагаем, она стала возможна по двум причинам. Во-первых, большинство ордынских правоведов, как уже отмечалось, были ханафитами, и им не составляло труда установить контакты и найти возможность для применения своих способностей, знаний и навыков в других странах, где также был распространен этот мазхаб⁷. Во-вторых, большинство ордынских правоведов выезжали для учебы и научной или преподавательской работы в те государства, с монархами которых находились в дружбе и союзе властители Золотой Орды – в первую очередь, в Египет и Сирию, находившиеся под властью мамлюкских султанов, тогда как выходцы из самого Египта, как уже упоминалось выше, приезжали в Улус Джучи.

Наконец, еще одну форму деятельности золотоордынских правоведов представляли публичные научные мероприятия – чаще всего диспуты. Мастерами ведения диспутов считались Алла ад-Дин Абу Язид ас-Сарайи и Ибн ал-Баззази [12, с. 169, 176]. Некоторые диспуты вошли историю не только как научные, но и как политические события – как, например, диспут при Тамерлане в 1388 г., в котором участвовал его «ставленник» ас-Сайид аш-Шариф ал-Джурджани и золотоордынский правовед Сад ад-Дин ат-Тафтазани, а арбитром диспута был еще один знаток фикха Нуман ад-Дин ал-Хорезми [18, с. 205]. Если вспомнить, что в это время у Тамерлана как раз началось обострение отношений с золотоордынским ханом Токтамышем, то можно удивиться широте взглядов враждующих монархов, позволивших своим ученым подданным дискутировать между собой.

Мусульманские правоведы пользовались покровительством золотоордынских монархов. Нередко ученые посвящали труды своим патронам, порой даже давая книгам названия в их честь. Вышеупомянутый представитель «старой хорезмийской школы» Наджмуддин Абу Раджа Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди назвал один из своих трактатов «Насирийя», посвятив его золотоордынскому правителю Берке (1257–1266), который также имел мусульманское имя ан-Насир [33, с. 90]. Али ибн Мухаммад ибн Дахкан ал-Байканди преподнес свой комментарий фикха «Мифтах ал-гулум» хану Узбеку [33, с. 93]. А Сад ад-Дин ат-Тафтазани подарил свой юридический комментарий фикха «ат-Талвих ала-т-таудих» хану Джанибеку [17, с. 124].

⁷ Впрочем, среди золотоордынских правоведов встречались деятели, являвшиеся знатоками нескольких мазхабов – например, и ханафитского, и шафиитского [17, с. 124].

Таким образом, своим развитием золотоордынское правоведение в немалой степени было обязано ханам Улуса Джучи, поощрявшим научные исследования, заказывавшим написание юридических трудов, проведение научных мероприятий (в первую очередь, диспутов) и оказывавшим покровительство самим ученым. В различных источниках сообщается об активной поддержке мусульманских правоведов правителями, которые объявляли себя ревнителями ислама – Берке, Узбеком, Джанибеком⁸. Да и другие монархи Улуса Джучи старались не отставать от них, стараясь демонстрировать покровительство ученым даже в не самые лучшие времена. Ярким примером тому является вышеупомянутый Алла ад-Дин Али ибн Абу Язид ас-Сарайи, который был сыном управителя вакуфного имущества (не правоведом!) и лишился отца в 9 лет, однако благодаря покровительству золотоордынских монархов или аристократов получил образование и в 20-летнем возрасте выехал за границу для дальнейшего обучения [8, с. 131; 12, с. 176]. Обратим внимание, что он находился под покровительством ханов в 1360–1370-е гг., т.е. в период вышеупомянутой золотоордынской смуты!

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы о развитии юридической науки в Золотой Орде.

Во-первых, многие тенденции и направления в ее развитии, безусловно, имели немало общего с развитием мусульманского правоведения в других странах. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что наука права в Улусе Джучи в полной мере отражала уровень юридических знаний в мире, а в чем-то и превосходила его, что нашло отражение в востребованности золотоордынских правоведов в других странах ислама.

Во-вторых, политические события в Золотой Орде во многом повлияли на развитие юридической науки в этом государстве, обуславливая периоды ее расцвета, упадка, иногда – появления «региональных» вариантов (например, в Хорезме в 1360–1370-е гг.). При этом нельзя не отметить, что дипломатические связи Золотой Орды с другими странами ислама – Ираном, Сирией, Египтом и пр. – повышали возможности «академической мобильности» золотоордынских правоведов, к которым весьма благосклонно относились монархи – союзники золотоордынских ханов.

В-третьих, золотоордынская правовая наука оказала влияние на развитие юриспруденции в других государствах: в одних преподавали потомки и ученики золотоордынских правоведов, в других были востребованы труды ордынских ученых. Кроме того, в пост-ордынских государствах также были продолжены изыскания в области юриспруденции, что стало еще одним элементом преемства этих государств от Золотой Орды.

---

⁸ При этом у нас нет сведений, что среди самих ханов были знатоки мусульманского права, какие появляются среди Чингизидов более позднего времени. Например, потомок золотоордынских монархов Мухаммад Шайбани-хан (1451–1510), основатель Бухарского ханства, прекрасно знал мусульманское богословие и право, активно участвовал в ученых диспутах и оставил целый ряд сочинений [см. подробнее: 22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.К.* Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р.Р. Рахимова. СПб.: Музей антропологии и этнографии Российской академии наук, 2008. С. 37–46.
2. *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). Казань: Мастер-Лайн, 2001. 262 с.
3. *Васильев Д.В.* Суфизм и исламизация Золотой Орды // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 14–18.
4. *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г.В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.
5. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
6. *Жумаганбетов Т.С.* Золотоордынское право. Основные аспекты содержания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2009. № 5. С. 118–124.
7. *Жумаганбетов Т.С.* Сущностные аспекты традиционной обычно-правовой системы Золотой Орды // Вестник Челябинского университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. С. 108–111.
8. *Зайнуддинов Д.Р.* Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сарай (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137
9. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
10. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Храпачевского Р.П. М.: «Центр по изучению военной и общей истории», 2009. 336 с.
11. *Измайлов И.Л.* Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // Природа и общество: на пороге метаморфоз (Социально-историческая история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXXIV). М.: Энергия, 2010. С. 90–103.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII–XVI веков / Сост., пер., введ., коммент. Муминова А.К. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 272 с.
13. *Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб.: Диля, 2007. 512 с.
14. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niġiġa tobġi-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Введ., перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 620 с.
15. *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 154 с.
16. *Минжин Ц.* Их Монгол улсын заргач Шихихутуг. Улаанбаатар: Бэмби-Сан, 2011. 146 т.
17. *Муминов А.* Деятельность ученых улама из Ирана в Золотой Орде // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. С. 121–127.
18. *Муминов А.* Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии / Под ред. Прозорова С.М. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2015. 400 с.

19. *Мухаммадеев А.Р.* Общественно-правовые взаимоотношения в Волжской Болгарии (VIII – начало XIII вв.). Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 2014. 474 с.
20. *Назипов И.И.* Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242–1502 годы). Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2014. 360 с.
21. *Остроумов Н.П.* Мусульманское законоведение. Ташкент: Б.и, 1909. 82 с.
22. *Почекаев Р.Ю.* Между «чингизизмом» и шариатом: политико-правовые взгляды Мухаммада Шайбани-хана // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М.: Медина, 2017. С. 485–501.
23. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
24. *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
25. *Почекаев Р.Ю.* Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 311 с.
26. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
27. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. Смирновой О.И.; примеч. Панкратова Б.И. и Смирновой О.И.; ред. Семенов А.А. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. 316 с.
28. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Верховского Ю.П., примеч. Верховского Ю.П. и Панкратова Б.И., ред. Петрушевский И.П.. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 253 с.
29. *Сайфетдинова Э.Г.* Источники религиозной мысли в Золотой Орде (по материалам произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 164 с.
30. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М.: Наука, 1986. 256 с.
31. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издательство С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
32. *Усманов М.* Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 141–146.
33. *Шихабуддин Марджани.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Муснафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1 / Пер. со старо-тат. Адыгамова Р.К. Казань: Иман, 2005. 200 с.
34. *Morgan D.O.* The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol law in the Pkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163–176.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент, кандидат юридических наук (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ResearcherID: K-2921-2015; ORCID: 0000-0002-4192-3528; E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила 29.07.2020 Принята к публикации 17.11.2020
Опубликована 29.12.2020

REFERENCES

1. Alekseev A.K. Yasa i islam: osobaya model' funktsionirovaniya administrativno-pravovyykh institutov khanstv Maverannakhra [Yasa and Islam: Specific model of functioning of administrative-legal institutions of khanates of Mawarannahr]. *Rakhmat-name: Sbornik statey k 70-letiyu R.R. Rakhimova* [Rakhmat-nameh: Collected Works on the Occasion of Seventieth Birthday of R.R. Rakhimov]. St. Petersburg: Museum of anthropology and ethnography of the Russian Academy of Science, 2008, pp. 37–46. (In Russian)
2. Amirkhanov R.M. *Tyrko-tatarskaya filosofskaya mysl' srednevekov'ya (XIII–XVI vv.)* [Turkic-Tatar Philosophic Thought of the Middle Ages (from the thirteenth to sixteenth century)]. Kazan: Master-Line, 2001. 262 p. (In Russian)
3. Vasil'ev D.V. Sufizm i islamizatsiya Zolotoy Ordy [Sufism and the Islamization of the Golden Horde]. *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy. Sbornik nauchnykh statey pamyati V.P. Kostyukova* [Questions of History and Archaeology of Medieval Nomads and the Golden Horde. Collected Works in Commemorations of V.P. Kostyukov]. Astrakhan: Astrakhan University, 2011, pp. 14–18. (In Russian)
4. Vernadskiy G.V. O sostave Velikoy Yasy Chingis-khana [On the content of the Great Yasa of Chinggis Khan]. Idem. *Istoriya prava* [History of Law]. St. Petersburg: Lan, 1999, pp. 112–148. (In Russian)
5. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow: Bogorodskiy pechatnik, 1998. 368 p. (In Russian)
6. Zhumaganbetov T.S. Zolotoordynskoe pravo. Osnovnye aspekty sodержaniya [Golden Horde's law. Principal aspects of the content]. *Vestnik RUDN. Seriya "Yuridicheskie nauki"* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series "Legal Sciences"]. 2009, no. 5, pp. 118–124. (In Russian)
7. Zhumaganbetov T.S. Sushchnostnye aspekty traditsionnoy obychno-pravovoy sistemy Zolotoy Ordy [Essential aspects of traditional customary legal system of the Golden Horde]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk University]. 2009, no. 7 (145), Series "Law", iss. 18, pp. 108–111. (In Russian)
8. Zaynuddinov D.R. Uchenyy iz Saraya – Mavlyana Zada as-Sarai (754/1353–791/1389) – v biograficheskom slovare al-Makrizi Taki ad-dina (766/1365–845/1441) "Kitab al-mukaffa al-kabir" (Bol'shaya rifmovannaya kniga) [A scholar from Saray: Mawlana Zada al-Sarai (754/1353–791/1389) in the biographical dictionary of Taqi al-Din al-Maqrizi (766/1365–845/1441) "Kitab al-Muqaffa al-Kabir" (The Great Rhymed Book)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137 (In Russian)
9. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition from the fifteenth to nineteenth century: Ways of Development. Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow: Oriental literature, 2009. 304 p. (In Russian)
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*, T. III: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in Sources, Vol. 3: Chinese and Mongolian Sources]. Khrapachevsky R.P. (tr.). Moscow: Center for the Study of Military and General History, 2009. 336 p. (In Russian)
11. Izmaylov I.L. Islam v Volzhskoy Bulgarii: rasprostraneniye i regional'nye osobennosti [Islam in Volga Bulgaria: Propagation and regional features]. *Priroda i obshchestvo: na poroge metamorfoz (Sotsioestestvennoaya istoriya. Genesis krizisov prirody i obshchestva v Rossii. Vyp. XXXIV)* [Nature and Society: On the Verge of Metamorphoses (Socio-natural history. Genesis of crisis of nature and society, 34)]. Moscow: "Energy", 2010, pp. 90–103. (In Russian)
12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*, T. III: *Izvlecheniya iz sochineniy XII–XVI vekov* [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 3: Extracts from Works

from the twelfth to sixteenth century]. Muminov A.K. (tr.). Almaty: Dayk-Press, 2006. 272 p. (In Russian)

13. Kerimov G.M. *Shariat: Zakon zhizni musul'man. Otvety Shariata na problemy sovremennosti* [Shariat: The Law of Life of Muslims. Answers of Shariat on Modern Problems]. Moscow; St. Petersburg: Dilya, 2007. 512 p. (In Russian)

14. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Monggol-un niguča tobči-gan. Yuan' Chao bi shi. Mongol'skiy obyden'nyy izbornik* [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240. Yuan Chao bi shi. Mongolian Ordinary Collection]. Kozin S.A. (ed. and tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russian)

15. Maslova S.A. *Instituty ordynskoy vlasti nad Rus'yu (baskaki, darugi, posly)* [Istitutions of the Golden Horde Power in Rus': Basqaqs, Darugas, Ambassadors]. Ph.D. Thesis. Moscow, 2015. 154 p. (In Russian)

16. Minzhin Ts. *Ikh Mongol ulsyn zargach Shikhikhutug* [Shikhi Hutug: The Judge of the Great Mongol Empire]. Ulaanbaatar: Bembi-San, 2011. 146 p. (In Mongolian)

17. Muminov A. *Deyatel'nost' uchenykh ulama iz Irana v Zolotoy Orde* [Activity of learned ulumas from Iran in the Golden Horde]. *Istoriko-kul'turnye vzaimosvyazi Irana i Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Historical and Cultural Connections of Iran and Desht-i Kipchak from the thirteenth to eighteenth century. Proceedings of the International Round Table]. Almaty: Dayk-Press, 2004, pp. 121–127. (In Russian)

18. Muminov A. *Khanafitskiy mazhab v istorii Tsentral'noy Azii* [Hanafi Madhab in the History of Central Asia]. Prozorov S.M. (ed.). Almaty: Kazakh encyclopedia, 2015. 400 p. (In Russian)

19. Mukhamadeev A.R. *Obshchestvenno-pravovye vzaimootnosheniya v Volzhskoy Bolgarii (VIII – nachalo XIII vv.)* [Social-legal Relations in Volga Bulgaria (from the eighth to beginning of thirteenth century)]. PhD Thesis. Kazan, 2014. 474 p. (In Russian)

20. Nazipov I.I. *Severo-Vostochnaya Rus' v sisteme politiko-pravovykh svyazey Ordya (Ulusa Dzhuchi) (1242–1502 gody)* [Northwest Rus' in the System of Political and Legal Connections of the Horde (Ulus of Jochi) (1242–1502)]. Perm: Perm' Institute of economics and finance, 2014. 360 p. (In Russian)

21. Ostroumov N.P. *Musul'manskoe zakonovedenie* [Muslim Jurisprudence]. Tashkent, 1909. 82 p. (In Russian)

22. Pochekaev R.Yu. *Mezhdru "chingizizmom" i shariatom: politiko-pravovye vzglyady Mukhammada Shaybani-khana* [Between the "Chinggisism" and Shariat: Political and legal views of Muhammad Shaybani Khan]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordya v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g.* [The Thirteenth Faizkhanov's Readings: The Legacy of the Golden Horde in the Statehood and Cultural Traditions of Eurasian Peoples: Proceedings of International Research Conference, St. Petersburg, May 4–6, 2016]. Moscow: Medina, 2017, pp. 485–501. (In Russian)

23. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordya* [The Law of the Golden Horde]. Kazan: Fen, 2009. 260 p. (In Russian)

24. Pochekaev R.Yu. *Pravovaya kul'tura Zolotoy Ordya (istoriko-pravovye ocherki)* [The Legal Culture of the Golden Horde (historical-legal essays)]. Moscow: Yurлитinform, 2015. 312 p. (In Russian)

25. Pochekaev R.Yu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoy imperii v tyurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noy Azii* [Chinggis's Law: Legal Heritage of the Mongol Empire in Turkic-Tatar Khanates and States of Central Asia]. Kazan: Tatar book publishing house, 2016. 311 p. (In Russian)

26. Rakhimzyanov B.R. *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Historical Essays]. Kazan: Tatar book publishing house, 2009. 207 p. (In Russian)

27. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], t. I, pt. 2. Smirnova O.I. (tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 316 p. (In Russian)
28. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], t. 2. Verkhovskiy Yu.P. (tr.). Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 253 p.
29. Sayfetdinova E.G. *Istochniki religioznoy mysli v Zolotoy Orde (po materialam proizvedeniya "Nakhdzh al-Faradis" Makhmuda al-Bulgari* [The Sources of Religious Thought in the Golden Horde (based on materials of the "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari)]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 164 p. (In Russian)
30. Sykiainen L.R. *Musul'manskoe pravo* [Islamic Law]. Moscow: "Science", 1986. 256 p. (In Russian)
31. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*, T. I: *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History, Vol. 1: Extractions from Arabic Works]. St. Petersburg: Published by S.G. Stroganov, 1884. 564 p. (In Russian)
32. Usmanov M. *Novye pis'mennye istochniki po istorii Povolzh'ya (predvaritel'noe soobshchenie)* [New written sources on the history of Volga Region (preliminary report)]. *Srednevekovaya Kazan': vozniknovenie i razvitie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Medieval Kazan': Rise and Development. Proceedings of International Research Conference]. Kazan: Master-Line, 2000, pp. 141–146. (In Russian)
33. Shihabuddin Marjani. *Izvlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Musiafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extract of Information on the Condition of Kazan' and Bolghar (Musiafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)]. Pt. 1. Adygamov R.K. (tr.). Kazan: Iman, 2005. 200 p. (In Russian)
34. Morgan D.O. The "Great Yasa of Chingis Khan" and Mongol law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986, vol. 49, no. 1, pp. 163–176.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russian Federation); ResearcherID: K-2921-2015; ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Received July 29, 2020 Accepted for publication November 17, 2020
Published December 29, 2020*